

Новое время. Петерб. 1899. 10 янв.

1899. 10 янв. Новое время
СТУДИИ. 8215
XCIV.

Весьма печальную трагедию рассказал вчера телеграф. Безвременно ушла жизнь одного из талантливейших представителей русской сцены—Н. П. Рошнина-Исарова. Петербург его звал мало, но для провинции и для Москвы это имя—родное и огромное. Москва, в отношении сценических репутаций, консервативнее Петербурга. Здесь артист легко дѣлается любимцем города, центром общественного внимания, еще не будучи заштемивеванъ тавромъ казенной сцены. Въ Москвѣ—вопреки почти двумъ десятилѣтіямъ дѣятельности театра Коршъ, имѣвшіаго прекрасныя труппы—артист, который еще не увѣнчанъ Малою сценою, все какъ будто недѣляясь, все—полуартистъ. Будь онъ хоть семи пядей во лбу, а передъ актеромъ Малаго театра ему приходится сторониться, и если онъ, сторонясь, не выказываетъ особаго почтения и усердія, москвичъ широко открываетъ глаза.

— Какъ же, молъ, такъ? Вотъ ты, братецъ, и талантъ, а небыха: мѣста своего не знаешь. Въдъ предъ тобою не кто-нибудь, а Михаилъ Провицъ, Осипъ Андреевъ, Александръ Паличъ...

— Да позволите, — азартно возражаетъ знаменитость изъ частнаго театра, — чѣмъ же я хуже ихъ?

— Не хуже, а... всякъ сверчокъ зналъ свой шестокъ!

— Кажется, мое дарованіе всѣмъ извѣстно.

— Дарованія твоего у тебя никто и не отнимаютъ, но... не только, что актеръ отъ актера, но и звѣзда отъ звѣзды разнятся въ славу своей.

— Да что вы мнѣ рассказываете? Я вѣдѣю Провицъ и Андреевъ—когда гастролирую въ провинціи—вотъ какъ прою: безъ остатка!

— Ха-ха-ха!

— Что же тутъ смѣшного?

— Да если ты небыллицы въ лицахъ разглагольствуешь?

— Хотите, — рецензію представлю? Отчеты о сборахъ?

— Ха-ха-ха! Небось, больше успѣха имѣлъ?

— Больше.

— Хе-хе-хе! и денегъ больше заработалъ?

— Больше.

— Ну, и гораздъ же ты, парень, враты ротъ бы глазами моргнулъ!

— Послушайте...

— Нечего мнѣ слушать. Ты лучше вотъ что скажи: коли ты такой актеръ прекрасный, отчего же тебя въ Малый театръ не зовутъ?

Петербургъ освоился съ тѣмъ, что серьезная артистическая величина, крупное дарованіе, эффектная женщина и т. д. могутъ ютиться и развиваться и не подъ порталомъ Александринскимъ; для Москвы параллельная мысль о Маломъ театрѣ—художественная ересь. Если, напр., сравнить интересъ петербургскаго общества къ именамъ гжи Яворской, г. Орленева, г. Михайлова—В. П. Далматова я не ставлю здѣсь въ счетъ, ибо онъ—съ Александринскимъ штемелемъ,—и интересъ москвичей къ именамъ соответственныхъ названымъ артистическимъ величинамъ на частныхъ сценахъ, хотя бы г-жи Азагаровой, г. Свѣтлова, г. Сашина, то вся выгода положенія окажется на сторонѣ петербургскихъ артистовъ. Быть можетъ, потому-то Петербургъ въ послѣдніе годы и сталъ

городомъ гораздо болѣе театральнымъ, чѣмъ Москва, въ смыслѣ обилія въ немъ проживающихъ артистовъ. Озирая мысленно петербургскій артистическій горизонтъ, я сейчасъ могу насчитать десятка полтора провинціальныхъ звѣздъ, уже погасшихъ или погасающихъ, не у дѣлъ находящихся или при маленькихъ дѣлахъ, но съ громкими именами, способными, по старой памяти, служить, если не приманкою, то украшеніемъ любой афиши. Въ Москвѣ—не припомню ни одной. Очевидно, имъ тамъ нечего дѣлать, и онѣ переключиваются, въ концѣ карьеры, на почетный покой къ нескимъ водамъ.

Исключеній изъ московскаго правила малаго уваженія къ представителямъ частныхъ сценъ я припомню весьма немного. Ужъ не что любимцемъ публики былъ В. Н. Андреевъ-Бурлакъ,—актеръ почти гениальный,—а и тому только-что не пеняли, когда онъ неудачно дебютировалъ въ Маломъ театрѣ.

— Вотъ видишь, Василій Николаевичъ, что значить соваться въ воду, не спросивъ броду!.. Это тебѣ не Казань и не Коршъ! Тутъ, друже, тра-ди-ці-и!.. Голимъ талантомъ немного возьмись.

Къ числу исключеній столь рѣдкаго свойства, бесспорно, надо отнести, однако, покойнаго Н. П. Рошнина-Исарова. Называлъ онъ въ Москву пла, вѣрнѣе, сказать, подѣ Москву лѣтомъ, гастролировалъ гдѣ попадало, въ Богородскомъ, въ Кусковѣ, Царицынѣ, конкурируя съ премьерами казенныхъ сценъ и, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ, «крылъ ихъ безъ остатка». Это былъ божокъ публики—особенно дамской. И можно смѣло утверждать, что завиднымъ успѣхомъ своимъ покойный Николай Петровичъ никакимъ инымъ стороннимъ ухищреніямъ, кромѣ огромнаго таланта, искры Божьей, неуловимо горѣвшей въ душѣ его, обязанъ не былъ. Говорятъ, въ ранней юности онъ былъ очень красивъ собою. Но я помню Н. П. Рошнина еще любителемъ въ московскомъ Имениновскомъ театрѣ: даже чуть ли не пришлось намъ съ нимъ участвовать вмѣстѣ въ какой-то благотворительной затѣѣ, — и уже тогда въ дружестіи Рошнина было больше данныхъ противъ сцены, чѣмъ за сцену. Длинное, нѣсколько, что называется, лошадиное лицо Рошнина не отличалось подвижностью. «Ахъ, сколько у тебя челюстей!» — подтрунивалъ надъ Рошнинымъ одинъ нашъ общій другъ, маленький актеръ, нынѣ уже умершій. Челюстей было, дѣйствительно, много и — вдобавокъ — зубы въ нихъ сдѣлались черные, какъ уголь. Со зломъ этимъ, отгущеннымъ ему природою, разстаться и замѣнить его благомъ, фабрикуемымъ дантистами, Рошнинъ не рѣшался очень долгіе годы. Едва ли не проплывъ лѣтомъ встрѣтилъ я въ поѣздѣ какого-то киевлянина.

— Что новаго у васъ въ Кіевѣ?

— Рошнинъ-Исаровъ франтомъ сдѣлался.

— Да ну?

— Зубы себѣ вставилъ и пересталъ вѣковѣчныя сѣрыя павталоны носить!

Скупостью на зубы и на гулетъ Рошнина-Исарова часто дразнилъ, хотя дѣло тутъ было, разумеется, не въ скупоствѣ, а—въ первомъ случаѣ—въ болзни физической боли, во второмъ же, я полагаю, просто въ бѣдности Рошнина-Исарова. Да, какъ ни странно звучитъ это слово, а вѣдо его употребить. Однѣ изъ лучшихъ актеровъ въ Россіи, человекъ, получившій едва ли не высшій окладъ, какой когда-либо платился мужику на частной сценѣ, Рошнинъ-Исаровъ былъ положительно бѣденъ. Онъ зарабатывалъ, я думаю, тысячу пятнадцать въ годъ, работалъ для того почти безъ отдыха, не зная перерывовъ, и никогда у него не

было ни гроша въ карманѣ.

Помню, встрѣтились мы за границею, въ Аграмѣ, и затѣмъ сдѣлали вмѣстѣ путь до Буда-Пешта. Дорогою разговорились о казенной сценѣ.

— Отчего вы, Николай Петровичъ, не перейдете? Попробовали бы?

— Не стоитъ.

— Неужели вы боптаете, что не возьмутъ?

— Нѣтъ, взять-то, конечно, возьмутъ, и разговоры о томъ были неоднократно...

— Еще бы не взяли! Молодого артиста съ такимъ разнообразіемъ амбидъ, съ такою законченностью ролей нѣтъ ни въ Александринскѣ, ни въ Маломъ...

— Мнѣ не стоитъ.

— Но вѣдь, обыкновенно, всѣ рвутся на казенную сцену.

— Рвутся, кому покой нуженъ, кому положенія почетнаго хочется, и кому надо денегъ меньше, чѣмъ мнѣ. Что мнѣ дастъ Императорская сцена? Тамъ вѣтъ мужского оклада больше 8,000 рублей, да и егдъ сразу не положить—сперва, поди-ка послужи. Кіевъ и Одесса дадутъ мнѣ тысячу двѣнадцать и все-таки я, чѣмъ бы отдохнуть послѣ сезона, вынужденъ мыкаться по гастролнямъ, потому что безъ нихъ мнѣ дышать нечѣмъ. Вѣрите ли: въ первый разъ за всю свою карьеру я позволилъ себѣ пробѣжась за границу, на мѣсяцъ... ну, и глупость сдѣлалъ.

— Что такъ?

— Средствъ не хватало.

Что Рошнинъ-Исаровъ не рисовался, не замедляло обнаружиться. Надо сказать, что въ Аграмѣ онъ поналъ совершенно случайно—по разсѣянности, на которую только онъ, кажется, и былъ способенъ. Дешевизны ради, онъ взялъ круговой билетъ, съ которыми, по слабому знанію нѣмецкаго языка и полному незнанію языка венгерскаго: кто его знаетъ!—онъ трижды понадалъ на неподходящія линія и поѣзда.

— Чортъ знаетъ, что такое!—негодоваль онъ,—сяду въ вагонъ, везутъ куда-то... Ревию билетовъ; приходитъ кондукторъ, бормочетъ что-то: мотаешь головой: цурюк! — и опять везутъ въ Аграмъ... А за цурюкъ—пожалуйте денежки! Кажется, съ прибавками этимъ, я не доѣду до Россіи.

Стали считать: дѣйствительно, только-только въ обрѣзъ добрался отъ Буда-Пешта до границы по третьему классу, при условіи строжайшаго сухоядья. Гдѣ тонко, тамъ и рвется. Когда пріѣхали въ Буда-Пештъ, оказалось, что Рошнинъ опять перепуталъ поѣзда, и багажъ его заслали въ Офенъ, откуда доставили вещи лошадкою стоить флориновъ 5—6... а, главное, пока трегеръ правзеветъ вещи, поѣздъ уйдетъ—и позволъ сидѣть дѣлный день лишній въ чужомъ городѣ. А это денегъ съобятъ, ибо нельзя же быть двѣнадцать четыре часа, «не пимши—не ѣвши».

— Господи! ну, что вы прикажете дѣлать съ этимъ человекомъ! — восклицала сопровождавшая Рошнина-Исарова дама.

Я предложилъ Николаю Петровичу занять денегъ у меня, но онъ пожелалъ сперва узнать, сколько у меня съ собою, и когда увидалъ, что я возвращаюсь тоже довольно валежкѣ, но ирѣзъ отказался «стѣснять» меня:

— А вдругъ кака-нибудь случайность въ дорогѣ? заболѣте, Беже сохрани, или другое что-нибудь. Нѣтъ, я уяъ лучше въ Буда-Пештъ адержусь, а въ Одессу пошлю телеграму—пусть Соловцовъ выручаетъ.

Въ страннымъ, на первый взглядъ, повседневномъ безденежьи Рошнина отчасти, конечно, повинна была безалаберность его характера и образа жизни, но только отчасти. При томъ же добръ и щедръ онъ бы-

валъ, при деньгахъ, прямо до расточительности, чѣмъ многіе пользовались. Главнымъ образомъ обирали его кредиторы его юности. Рошнинъ-Исаровъ (Пашиню) принадлежалъ къ хорошей дворянской семьѣ, имѣлъ когда-то прекрасное состояніе и, до сцены, состоялъ въ военной службѣ—въ суускихъ гусарахъ. Состояніе онъ, что называется, ухуауль,—зато долгами обезвѣдился на всю жизнь, уналичивая ихъ съ полною добросовѣстностью цѣлыя пятнадцать лѣтъ. Можно съ полною увѣренностью сказать, что Рошнинъ-Исаровъ почти не работалъ на себя самого: его трудъ былъ достояніемъ его кредиторовъ. Его вѣчно кто-нибудь держалъ за горло. Онъ получалъ тысячае жалованье, раздавалъ его съ рукъ за руки, а самъ отправлялся закладывать бенефициальный нортелгаръ, «отъ восторженной публики», чтобы возстановить свой кредитъ въ табачномъ магазинѣ. Такъ вертѣлся онъ круглый годъ. Другой, въ такихъ обстоятельствахъ, впалъ бы въ уныніе, но безъ основанія почтгая всю жизнь свою отравленною. Но Рошнина-Исарова выручала ровная веселость, какая-то фаталстическая безпечность характера. Въ немъ было много «Испанскаго дворянина» — барина, что пѣвъ дырявомъ плащѣ достоинство свое покажетъ и потому дыряваго плаща своего за бѣдствіе отнюдь не скупаетъ. «И въ рубашкѣ почтенна добродѣтель!» какъ восклицаетъ Телятевъ, котораго Н. П. Рошнинъ, къ слову сказать, игралъ прекрасно и... очень похоже на себя самого.

Эта черта достоинства, благородства натуры была, быть можетъ, самымъ сильнымъ изъ магнитовъ, которыми Рошнинъ-Исаровъ привлекалъ публику. Выходитъ на сцену человекъ, довольно небрежно одѣтый, но особенно красивый, съ дурнымъ, хриплымъ голосомъ,— но пробылъ онъ на сценѣ пять-шесть минутъ, и театръ весь—уже подѣ его обявиемъ.

Одна великая русская актриса говорила мнѣ:

— Не люблю я NN,—она назвала фамилію извѣстнаго столичнаго jeune premier.

— За что? развѣ не талантливъ?

— Нѣтъ, очень способный, только...

— И гардеробъ у него превосходный, и манеры онъ усвоилъ изящныя.

— Правда.

— Что же вы имѣете противъ него?

— Да всякій разъ, какъ онъ играетъ графа или князя какого-нибудь,— мнѣ все кажется, что сапоги-то у него лаковые, да прямо на солдатскія оучки одѣтъ.

Вотъ этой-то оучной подкладки къ лаковому сапогу и не чувствовалось никогда у Рошнина-Исарова, что, увы! не о многихъ русскихъ jeunes premiers сказать возможно. Подобно знаменитому Милославскому, недавно скончавшемуся Киселевскому, Рошнинъ-Исаровъ смылъ и, дѣйствительно, былъ «баривомъ» на сценѣ. Пока онъ игралъ любовниковъ, черта эта, по ирешумщественному обилію въ репертуарѣ такъ-называемыхъ рубашечныхъ ролей, сказывалась съ меньшею яркостью, чѣмъ впоследствии, когда Николай Петровичъ сталъ понемногу переходить на роли резонеровъ. И—странный контрастъ! Когда онъ былъ любовникомъ,—онъ покорялъ слушателей богатымъ заласомъ того яркаго, искренняго увлеченія, что актеры обобщаютъ подѣ терминомъ «натура». Уже въ позднѣйшее время, въ Кіевѣ, у Соловцова, первый спектакль пресловутой «Второй молодости» не былъ конченъ, благодаря слухомъ сильной ирѣзъ Виталия — Рошнина: въ сценѣ прощанія его съ матерью (г-жа Глѣбова) въ залѣ раздалась истерическая крики и голоса: «довольно!», т.-е. посто-рилось то же самое, что на первомъ пред-

ставленіи «Татьяны Рѣвиной» въ Москвѣ вызвала могучая игра М. Н. Ермоловой. Но «внутри» своему—этой альфѣ и омерѣ вдохновенія этихъ артистовъ—Рошнинъ-Исаровъ никогда не довѣрялся. «Наблюдая Рошнина-Исарова въ теченіе многихъ лѣтъ,—пишетъ одинъ киевскій критикъ,—я не могъ не замѣтить, что при безалаберной жизни и частыхъ увлеченіяхъ, столь свойственныхъ, впрочемъ, молодости, артистъ все же всегда серьезно относился къ искусству, и замѣчалъ я это не только по тѣмъ громаднымъ успѣхамъ, которые онъ дѣлалъ на сценѣ, но и въ исполненіи одной и той же роли: съ каждымъ разомъ роль выдвигалась имъ рельефнѣе и яснѣе становилось, что, исполняя извѣстную роль, онъ все продолжаетъ ее изучать, старается найти въ ней новыя перлы, которые раньше не были имъ замѣчаны». Въ результатѣ такой упрямой работы надъ собою, бывшій артистъ «натура по преимуществу» создалъ изъ себя, шагъ за шагомъ, наиболѣе тонкаго деталиста, какаго удалось мнѣ видѣть на «молодой» русской сценѣ, т.-е. за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Чѣмъ остроумнѣе, изящнѣе была роль, тѣмъ лучше игралъ ее Рошнинъ-Исаровъ, тѣмъ глубже врывался онъ въ ея матеріалъ и тѣмъ старательнѣе шлофивалъ. Роль графа Троста въ «Чести» онъ игралъ ничуть не слабѣе знаменитаго создателя, Эрнста Носсарта. Характеры отрицательные онъ воссоздавалъ удивительно интересно—именно съ какимъ-то суровымъ «холодомъ вдохновенія». Злой, властный, безсердечный человекъ всегда либо противень, либо карикатуренъ и скученъ на сценѣ. Рошнинъ-Исаровъ, своею благородною манерою, умѣлъ придавать имъ интересъ, смыслъ, правдоподобіе; между прочимъ, онъ превосходно игралъ царя Бориса—того самаго Бориса, коего только-что петербургская публика видѣла на Александринской сценѣ, но... «рукопись сью читала, а игры по онаой не одобрила».

Я драматургъ очень немногій и не знаю процесса, какъ пишутъ для сцены другіе авторы. Когда мнѣ случалось обдумывать характеръ того или другаго дѣйствующаго лица, въ памяти моей немедленно воображалось и лицо того актера или актрисы, мнѣ извѣстныхъ, которыхъ мнѣ хотѣлось бы когда-нибудь посмотрѣть въ этой будущей роли, потому что она сходится съ ихъ артистическою индивидуальностью. Затѣвая «Отравленную совѣсть», я все мечталъ увидать когда-нибудь въ роли Резизанова именно покойнаго Н. П. Рошнина-Исарова (хотя петербургскій исполнитель г. Бравичъ былъ въ ней очень хорошъ). Дѣйствительно, какъ передавали мнѣ очевидцы, Рошнинъ-Исаровъ игралъ эту роль блистательно.

Жаль, глубоко и искренно жаль эту огромную силу, такъ рано отнятую у русскаго искусства нѣлпою любовною исторіей. «У счастливаго недруги мрутъ—у несчастнаго другъ умираетъ». Русская сцена въ послѣдніе годы теряетъ одну силу за другою: Чужбиновъ, Киселевскій, Самойловъ-Мичуринъ, Рошнинъ-Исаровъ—все это некрологи одного года, на самыхъ короткихъ промежуткахъ. И все смерти какія-то внезапныя, какія-то «напрасныя», какъ выражается народъ русскій. Но смерть Рошнина-Исарова, по трагизму своему, страшнѣе всѣхъ: это—финаль «Каменнаго Гостя», пожатіе десницы командора...

Оставь меня, пусти, пусти мнѣ руки! Я габуя—кончено... о, донна-Анна!

А, впрочемъ, Рошнинъ-Исаровъ долженъ былъ кончатъ какъ-нибудь въ этомъ родѣ, не могъ кончатъ иначе. Распространяться на эту тему неудобно, но—развѣ въ первый разъ ставилъ онъ на карту всего себя, и карьеру, и имя, и самую жизнь свою, ра-

ди увлеченія женщиной? При всемъ его добродушіи, легкомысліи, поверхностности взгляда на жизнь, въ немъ было что-то фатальное. Онъ напоминалъ барича XVIII вѣка, который со спокойнымъ духомъ выпивалъ изъ отгущеннаго ему судьбою бокала всю joie de vivre, а затѣмъ столь же спокойно и улыбаясь натыкался сердцемъ на шагу бреттера или умиралъ подѣ ножомъ оскорбленнаго мужа.

Сейчасъ ко мнѣ пришелъ артистъ, получившій по телеграфу частнаго свѣдѣнія о смерти Рошнина. Онъ былъ убитъ не на похвалѣ; пуля засѣла въ затылкѣ, и артистъ долго мучился. Пока не потерялъ сознанія, онъ просилъ окружающихъ ходатайствовать за его убійцу.

Страшное совпаденіе! Какъ-то разъ, возвратясь изъ Италіи, я привезъ нѣсколько снимковъ съ знаменитой картины Гроссо, тогда еще новинки,—«Послѣднее свиданіе»: Донъ-Жуанъ въ гробу, окруженный женщинами, которыхъ онъ любилъ и бросилъ,—осколки знаменитыхъ mille e te, оставшихъ вѣрными своему рыцарю. Одинъ снимокъ я подарилъ Рошнину-Исарову, съ надписью изъ Кузьмы Пруткова: «Другъ мой! удивляйся, но не подражай!» Онъ взглянулъ на картину, сдѣлалъ гримасу и говоритъ: «охота вамъ возги изъ-за тридцати земель такіе ужасы!»... Теперь и его уложили въ гробъ,—и много на Руси женскихъ сердецъ сжимается сегодня тоскою по легкомысленномъ, но увлекательномъ другѣ мимолетнаго прошлаго...

Old Gentleman.